

Эвакуация музейных ценностей из пригородных дворцов-музеев Ленинграда и обеспечение их сохранности (на примере Гатчинского дворца-музея)

Кирпичникова Мария Викторовна
кандидат исторических наук
Учёный секретарь СПб ГБУК «ГМЗ «Гатчина»

Эвакуация музейных ценностей из пригородных дворцов-музеев Ленинграда и обеспечение их сохранности (на примере Гатчинского дворца-музея)

Прошлое имеет большое значение в жизни каждого человека. Информацию о нашем прошлом хранят музеи, архивы, библиотеки. Экспонаты музеев – не просто красивые вещи, они несут в себе тайны истории, информацию о своих владельцах и способны поведать нам свои секреты. Например, обычная фарфоровая чашка перестаёт быть скучной, когда мы узнаём, что из неё любила пить кофе императрица Мария Фёдоровна. А гнутый металлический карандаш, который с виду не представляет ничего особенного, однажды спас жизнь своему хозяину, маршалу артиллерии Николаю Николаевичу Воронову во время аварии, когда отклонил от его сердца металлический осколок. Этот карандаш был подарен ему лидером испанского коммунистического движения Долорес Ибаррури¹. Любопытно, что некоторые, на первый взгляд, невзрачные экспонаты могут быть интересными посетителю за счёт описания истории их бытования. Подлинные мемориальные вещи ценны не столько своей стоимостью, сколько принадлежностью.

Для того, чтобы понять цену спасения музейных коллекций в годы Второй мировой войны стоит рассказать об очень важной и значимой её странице, эвакуации ценностей в тыл страны. По мнению маршала Советского Союза Г.К. Жукова, эвакуация по своей значимости оказалась равной «величайшим битвам второй мировой войны»².

По определению словаря МЧС, под эвакуацией понимается «один из основных способов защиты населения в чрезвычайных ситуациях. В

¹ Экспонат находится в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 278.

отдельных ситуациях (например, возникновение зон катастрофического затопления, длительное радиоактивное загрязнение местности с плотностями выше допустимых и др.) этот способ является наиболее эффективным способом защиты. Сущность Э. заключается в организованном перемещении населения и материальных ценностей в безопасные районы³. Огромное число уникальных произведений искусства в годы войны вывезли в тыл.

В 1936 году, когда началась гражданская война в Испании, в СССР была создана специальная комиссия по подготовке «разгрузки» историко-культурных ценностей на случай войны. Под разгрузкой подразумевалась «эвакуация». Но это слово тогда не использовалось. Мысль о том, что враг за короткое время дойдёт до стен Ленинграда, казалась абсурдной, поэтому вывозить много не планировалось.

Были составлены списки музеиных предметов, предназначенных к вывозу в случае войны. В зависимости от исторической ценности они были поделены на три группы (очереди). По плану 1936 года, из всех пригородных дворцов-музеев предполагалось вывезти в восьми вагонах только 4871 экспонат, а всего их суммарно было порядка 300 000. Петергофским и Пушкинским дворцам-музеям отводилось всего по одному вагону, Павловскому – два, а Гатчинскому – четыре⁴. Если бы музейщики следовали тому плану, то роскошные императорские резиденции лишились бы почти всех своих коллекций. В 1939 году представители музеев обратились в Ленгорсовет с просьбой пересмотреть эту цифру и количество железнодорожного транспорта для перевозки экспонатов. Но к сожалению, на 1941 год ничего не изменилось, цифра осталась той же. Музеям выделялся транспорт, сопровождение, охрана, эвакуационные базы в глубоком тылу. В первую очередь вывозу подлежали предметы из драгоценных металлов, живопись и скульптура. Мебель, стекло и фарфор ценились меньше, а ткани практически не ценились. В 1941 г. консультантом Русского музея, профессором М. В. Фармаковским была составлена «Инструкция по перевозке и переноске музейных экспонатов»⁵. В ней содержались практические советы по правильной и быстрой упаковке коллекций. Всё, что предстояло выполнить сотрудникам, было сопряжено с тяжёлым физическим трудом. Кроме эвакуации экспонатов, нужно было законсервировать сами здания дворцов, чтобы максимально обезопасить их в случае попадания снарядов и возникновения пожаров.

³ Словарь терминов МЧС. Электронный ресурс: <http://bio.niv.ru/doc/dictionary/emergency-situations/fc/slovar-221.htm#zag-3282>. Дата обращения: 28.10. 2020.

⁴ См.: Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.

⁵ Фармаковский М. В. Инструкция по переноске и перевозке музейных экспонатов / Под ред. С. В. Трончинского. Ленинград, 1941.

Мраморная столовая. Фотограф М. А. Величко. Конец 1930-х. ГМЗ «Гатчина».

Гатчинскому дворцу – одному из богатейших музеев страны была уготована трагическая судьба. До войны его называли «Пригородным Эрмитажем», он был наполнен произведениями искусства не только из Российской империи, но и из разных уголков мира: Китая, Японии, Западной Европы, стран Средней Азии и Кавказа: фарфор, живопись, мебель, декоративно-прикладное искусство. Дворец и парк привлекали большое количество посетителей как из Ленинграда, так и других городов. Всем было интересно прогуляться по бывшим личным комнатам императора Павла I, сохранявшимся практически в неприкосновенности с момента его гибели, посетить Арсенальное каре, где находились покой семья Александра III, Николая I, огромный Арсенальный зал. Пользовались популярностью Оружейная галерея, выставка костюмов, открытая перед войной. В 1938–1939 годах была проведена генеральная инвентаризация фондов, в результате которой на основной музейный учёт поставили 54 030 экспонатов⁶, а всего числилось более 90 000 предметов.

В первый же день войны начались работы по подготовке первой

⁶ Это официальная цифра, которая была принята в ГДМ в результате проведённой Генеральной инвентаризации. (Научный архив ГМЗ «Гатчина» (НА ГМЗ «Гатчина»). Справка из Министерства культуры РСФСР о составе фондов Гатчинского дворца-музея на 1939 и 1944 годы. Д. без номера). В связи с трудностями, возникшими в результате подсчётов, есть разнотечения о количестве единиц хранения. Например, в одном случае чашка с блоком регистрировалась под одним номером, в другом – имели два разных номера. Так, например, в таблице количественных показателей вывезенных и законсервированных музейных ценностей (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) Ф. 468. Оп. 1. Д. 110. Л. 10), указаны данные по довоенным инвентарям: 38189 экспонатов, 44340 томов книг, 10000 единиц хранения фототеки и суммарная цифра приводится 92529.

очереди предметов к вывозу в тыл. Эвакуационной базой для Гатчинского дворца был назначен город в Удмуртской АССР – Сарапул. Именно туда и отправлялись сопровождавшие эшелоны с экспонатами сотрудники. Прежде всего стали упаковывать ценную коллекцию оружия.

Молодые мужчины почти сразу же были призваны на фронт. Первыми ушли директор Григорий Дмитриевич Миронец и его заместитель по научной части Георгий (коллеги называли его Юрием) Викторович Смирнов. Исполняющим обязанности директора был назначен главный бухгалтер Г.В. Дьяконов.

Серафима Николаевна Балаева (1889-1960) гг. – научный сотрудник, заведующая художественным сектором, а затем главный хранитель (1945 – 1952) гг. Гатчинского дворца-музея. ГМЗ «Гатчина».

Все основные работы по эвакуации экспонатов и консервации здания возглавила Серафима Николаевна Балаева. Она занимала тогда должность заведующей художественным сектором Гатчинского дворца-музея (ГДМ). Дворец был для неё практически родным домом. В 1919 году она пришла сюда на работу вслед за своим учителем Владимиром Кузьмичом Макаровым. В музее ей пришлось пережить многое, и годы распродаж ценностей, и смену власти, и начало Великой Отечественной войны. Почти все годы своей службы во дворце Балаева вела дневник, ставший бесценным источником информации для последующих поколений⁷.

Остававшимся в музее женщинам и пожилым мужчинам необходимо было натаскать воды, песка и расставить возле здания в больших ёмкостях. На тот момент

самым опасным считалось возникновение пожара в связи с военными действиями. Во дворце исторические паркеты укрывали сукном или коврами, затем сверху засыпали песком, досками зашивали окна нижних этажей (или закладывали кирпичом) и барельефы, оконные стёкла верхних этажей заклеивали изнутри тёмной тканью.

Музейные помещения полностью освобождали от всего мебельного убранства, снимались ковры, занавеси, портьеры, шторы, выносилась мебель. Экспонаты упаковали в ящики, заготовленные ещё в довоенное время, сначала наполняли стружкой или опилками, потом стали использовать ткани, в том числе, шторы и занавеси. Очень пригодились сундуки для

⁷ Дневник опубликован, подлинник находится в научно-вспомогательном архиве ГМЗ «Гатчина» (18 тетрадей, объемом 489 с.).

дров, которые находились почти в каждом зале Гатчинского дворца-музея⁸. В каждый ящик вкладывался краткий паспорт с номерами экспонатов и подписью лиц, производивших упаковку. Сохранились описи, благодаря которым мы можем проследить, как и когда отправлялись вещи в эвакуацию. Сопровождающим была выдана письменная инструкция и два экземпляра паспортов на все ящики.

Среди работавших в музее сотрудников мужчин оставалось всё меньше и меньше. 11 июля на фронт призывали научного сотрудника Андрея Валентиновича Помарнацкого⁹. До 11 июля он помогал в упаковке экспонатов и консервации здания. Через два дня в г. Сарапул отправилась его первая супруга, заведующая библиотекой, Елизавета Александровна Фаас с сыновьями Игорем (Фаасом) и Михаилом (Помарнацким). Вторая жена Помарнацкого, Мария Владимировна Нарышкина (ур. Прокудина-Горская) работала во дворце экскурсоводом. В 1940 году она родила дочь, но тоже иногда приезжала помочь коллегам в упаковке экспонатов. Вскоре эвакуировалась с ребёнком в г. Сталинабад (сейчас Душанбе).

Уже после войны М. В. Нарышкина рассказывала дочери как в музеях готовили ценности к эвакуации, люди часами находились в неудобном положении, упаковывая вещи, и от длительного процесса у многих шла носом кровь. Её жалели как самую молодую, недавно ставшую мамой, не давали ей тяжёлой работы. Первым словом ребёнка, рождённого в семье музейных работников, стало не «мама» и не «папа», а «Атина» - Гатчина. Так часто она слышала это заветное слово из уст своей мамы. В голодные и страшные годы войны Мария Владимировна вместо сказок рассказывала дочери о великолепном дворце, где жили прекрасные принцы и принцессы, а сам он мог менять свою окраску от лилово-жемчужного до золотисто-жёлтого. Девочка знала, что после войны они с мамой обязательно приедут в Ленинград, увидят папу, Гатчину и этот роскошный дворец¹⁰.

Очень хорошо все сотрудники отзывались об Ирине Константиновне Янченко, которая трудилась в музее с 1929 года, была старшим научным сотрудником и хранителем Арсенального каре. По воспоминаниям Балаевой, выдержка и спокойствие Янченко прекрасно действовали на остальных. Большой объём работ выполнял фотограф ГДМ Михаил Антонович Величко, умевший говорить тоном якобы полной осведомлённости, что очень успокаивало других. Именно ему принадлежат качественные сним-

⁸ См.: Балаева С.Н. Указ. Соч. С. 582.

⁹ В ГДМ незадолго до войны А.В. Помарнацкий познакомился со своей второй женой Марией Владимировной Нарышкиной, урождённой Прокудиной – Горской, пришедшей на работу экскурсоводом. Незадолго до войны они поженились, и у них родилась дочь Наташа. Вскоре после войны он вновь вернулся к Елизавете Александровне.

¹⁰ Из интервью, взятого М.В. Кирпичниковой у Н.А. Нарышкиной, дочери музейных сотрудников 12.03.2020 г.

ки залов дворца, сделанные в период генеральной инвентаризации 1938–1939 годов, благодаря которым сейчас можно восстановить исторический облик утраченных интерьеров.

С 1930 года в музее работала Эльфрида Августовна Тихановская, сначала кассиром, потом смотрителем, инвентаризатором, а к началу войны научным сотрудником. В научном отделе также трудилась Маргарита Васильевна Дергачёва, грамотный опытный работник. Она была в числе сопровождавших первый эшелон, уходивший с реликвиями в тыл. Кроме них, в музее работали галерейные (смотрители), рабочие, охранники, представители пожарной охраны, уборщики.

Экспонаты по спискам тщательно упаковывали для перевозки, крупногабаритные, не предназначавшиеся для эвакуации, маскировали в кладовых, которые располагались или в подвалах или на нижнем этаже. Парковую скульптуру, вес которой составлял до 400 кг, закапывали в землю. По воспоминаниям М.В. Нарышкиной, сначала меряли расстояние шагами от больших деревьев, пока кто-то не предложил использовать в качестве точки отсчёта каменные здания. Многие в той обстановке даже не думали о том, что, когда они вернутся, этих роскошных вековых деревьев может и не быть¹¹.

Размер упаковочных ящиков с экспонатами был в среднем 2×1,5 м. Их поднимали несколько рабочих. Работа осложнялась налётами вражеской авиации. Из дневника С.Н. Балаевой: «15 августа в 10 ч. 30 м<инут>. Через несколько минут сброшена бомба в 10 – 12 м. от крыльца левого полуциркуля. Вес бомбы (по определению военных специалистов) – одна тонна. Воронка диаметром ок. 20 метров [зачеркнуто, переправлено на: 17,5 метра], глубина 8 м. Выбиты стекла в окнах Предовальной (разрушена печь, поврежден потолок), Арсенала (особенно пострадал потолок), церковь – алтарь и потолочное окно...»¹².

Первый поезд ушёл с Балтийского вокзала г. Красногвардейска (так называлась Гатчина) 7 июля 1941 года. Начальником первого эшелона назначили научного сотрудника Евдокию Владимировну Троянскую, отправлена была почти вся коллекция оружия (1000 вместо предполагаемых 700), 300 миниатюр, целиком выставка костюма, весь архитектурный архив¹³.

Вторым эшелоном руководил художник П.П. Кириллов, вывезены были живопись, мебель, фарфор, акварели. Вскоре после размещения в

¹¹ Из интервью, взятого М.В. Кирпичниковой у Н.А. Нарышкиной, дочери музеиных сотрудников 12.03.2020 г.

¹² Балаева С.Н. Указ. Соч. С. 88.

¹³ См.: Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 468. Оп. 1.Д. 109. Л. 11-11 об.

Сарапуле, Е.А. Фаас написала на фронт Помарнацкому, с которым у них сохранялись хорошие отношения: «16. Октября 1941... Сарапул – это глубокий тыл. Стёкла здесь девственно чисты, затемнений никаких нет, тишина. Внешне мы живём мирной жизнью... Живём мы все, приехавшие из Гатчины, Пушкина, Петергофа и Павловска, работающие в музее и устроившиеся на других местах – трудно...»¹⁴.

Начальник третьего эшелона в документах не фигурировал. Но в дневниках С.Н. Балаевой были обозначены три сопровождающих: Дьяконова, Хижняк и Карасёв. Преимущественно перевозились мебель и фарфор. Последним четвёртым эшелоном руководил завхоз Николай Борисович Борисов, там перевозили в основном бронзу и мебель¹⁵. Остались воспоминания дочери последнего Ираиды. Ей было 17 лет, она помнила, как они ехали под обстрелами целый месяц, но благополучно доставили ценности в Сарапул. В декабре 2019 года нам удалось взять интервью у сына старшего бухгалтера дворца Кузьмина, также следовавшего тем поездом. Кириллу Александровичу было в ту пору тринадцать лет. Он рассказал о некоторых важных подробностях той страшной поездки. Вместе с ними в эвакуацию уехал и исполнявший на тот момент обязанности директора Г.В. Дьяконов, который, по долгу службы, должен был оставаться в музее и организовывать руководство оставшимися там сотрудниками. Перед отъездом он объявил о всеобщем увольнении, но несколько человек всё же не покинули музей и продолжили работу по спасению ценностей, несмотря на стремительное приближение противника к Красногвардейску. Оставшихся во дворце сотрудников возглавила С.Н. Балаева. После 20 августа в музее находились: И.К. Янченко, Э.А. Тихановская, М.А. Величко, садовник А.М. Арен; охранники: Рендов, Чуркин, Кисиленко, Околод, Калинин; галерейные: Кокорева, Штейн, Шютч, Назарова, Гришечкина, Молчанова и полотёр Григорьев.

К тому моменту большая часть жителей города эвакуировалась, комендатура отказывалась принять на себя охрану дворца. В условиях прерванной телефонной и телеграфной связи в Красногвардейск приехал представитель УКППЛ В.А. Богданович, и Балаева передала через него начальнику В.И. Исакову письмо о текущей обстановке в музее. Ответ был получен незамедлительно. В тексте высказывалось восхищение мужеством женщины, которая не побоялась остаться в условиях надвигавшегося фронта, и просьба взять на себя руководство до прихода нового директора Н.В. Федоровича. Так, в самые тяжёлые дни 1941 года Балаева стала и.о. директора ГДМ. Федорович прибыл во дворец 23 августа и пробыл в

¹⁴ Помарнацкий А. В. Биографическая проза. Семейные хроники. Эссе / Сост. М. С. Глинка. СПб.: ГЭ, ООО «Изд-во АРС», 2011. С. 173.

¹⁵ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 468. Оп. 1. Д. 109. Л. 11 об - 12.

должности директора до 12 сентября, когда был отправлен на фронт.

После отъезда из Красногвардейска последнего эшелона железнодорожное сообщение было прервано. Уже упакованные экспонаты с 28 августа по 5 сентября 1941 года на машинах эвакуировали в Ленинград. Всего 2 542 экспоната (36 ящиков и 16 пушек без упаковки), последние машины сотрудники также отправили с ценностями, а сами 9 сентября (8 человек во главе с С.Н. Балаевой) ушли пешком в Ленинград. Уже 13 сентября в город ворвались немцы. Началась длительная оккупация Красногвардейска. Гатчинский дворец был занят 50-м корпусом 18 армии под штаб и общежитие лётчиков из элитного подразделения люфтваффе «Зелёное сердце».

Всего, благодаря мужеству, тяжёлому труду и самоотверженности сотрудников, удалось эвакуировать около 12 000 музейных предметов. Обычно в документах фигурирует число 11989 (иногда можно встретить 11929 – вероятно, ошибочно), однако, эта цифра лишь приблизительно отражает действительный порядок вещей.

В Сарапуле музейные ценности были размещены в Республиканском научном музее Прикамского края (такое наименование и статус носил Музей истории и культуры Среднего Прикамья)¹⁶, который находился по адресу: ул. Первомайская, 68. Вскоре он стал официально называться Музеем-хранилищем. Сначала исполняющим обязанности заведующего был назначен заместитель начальника УКППЛ¹⁷ В.П. Костин¹⁸, который прибыл в Сарапул с женой и тремя детьми. В апреле 1942 года директором стал Михаил Александрович Легздайн, до войны возглавлявший музей истории Ленинграда.

Вместе с ценностями ГДМ там находились экспонаты из других ленинградских пригородных дворцов-музеев гг. Пушкина, Петергофа и Павловска, Летнего дворца и Домика Петра I, Музея истории и развития Ленинграда, Государственного Антирелигиозного музея (бывшего Исаакиевского собора). Всего в Удмуртскую республику, вместо запланированных до войны 3671 было эвакуировано 90186 экспонатов из пригородных дворцов-музеев¹⁹. Из Гатчинского дворца вывезли 9 428²⁰ предмета искусства (291 место)²¹.

¹⁶ См.: Сарапульский музей присоединился к межмузейной сетевой акции «Ленинградская Победа» // URL: http://museumsarapul.ru/poster/?ELEMENT_ID=14364

¹⁷ Управление культурно-просветительными предприятиями Ленгорсовета.

¹⁸ См.: Плауде В.Ф. «Сохранить национальное достояние...» // Город Пушкин. Дворцы и люди [сборник научных статей]/ Под общ. ред. И.К. Ботт. СПб, 2015. С. 49.

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 468. Оп. 1. Д. 110. Машинопись. Л. 2.

²⁰ Третьяков Н.С. Пригородные дворцы-музеи Ленинграда. Война и победа. СПб.: ГМЗ «Павловск», 2008. С. 101.

²¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 276. Оп. 1. Д. 68. Л.1.

Контрольное вскрытие ящиков с музеиными экспонатами. Директор хранилища М. А. Легздайн и старший научный сотрудник М. В. Дергачева. Фотография. Сарапул. Музей-хранилище Ленинградских дворцов. Август 1943 года. ГМЗ «Гатчина».

«С августа 1941 по 1946 год Республиканский научный музей Прикамского края УАССР находился на временной консервации, экспозиции были свёрнуты, все площади превратились в фондохранилища, где работали эвакуированные ленинградцы²².

К середине декабря 1941 года в г. Сарапуле числилось 56 сотрудников музеев²³. Большая часть эвакуированных была из Гатчинского дворца-музея: М.В. Дергачёва, Фаас (с сыновьями), семья Ободовых (из пяти человек, трое из них работали в хранилище), семья Клепчуковых из двух человек и другие. К январю 1942 года штат уменьшился до 14 человек, а к 22 апреля там находилось 20 специалистов и членов их семей²⁴. Некоторым сотрудникам Гатчинского дворца-музея удалось устроиться в другие организации, например, бухгалтеры Г.В. Дьяконов²⁵ и А.В. Кузьмин нашли работу в совхозах Киясовского района УАССР, о чём рассказал в интервью сын последнего в декабре 2019 года²⁶.

²² Сарапул. Особый груз: Об эвакуации музеиных ценностей в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов / Сарапульский музей-заповедник; УдмФИЦ УрО РАН. – Сарапул-Ижевск, 2020. С. 13.

²³ ЦГА УРР-755. Оп.1.Д.44.Л. 24.

²⁴ См.: Сарапул. Особый груз... С. 21.

²⁵ В течение нескольких первых месяцев Г.В. Дьяконов являлся одним из руководителей группы специалистов из ленинградских дворцов.

²⁶ Из интервью с К.А. Кузьминым ст.н.с. Кирпичниковой М.В. в декабре 2019 года.

Из воспоминаний столяра А.Н. Каменских, работавшего в Музее-хранилище в годы войны (сохранена орфография автора письма): «Работали в холодном музее по 12 часов в день получая мизерную зарплату и 600 грамм хлеба в день. Но они трудились не считаясь с условиями чтобы спасти экспонаты историю россии²⁷ для бьющих²⁸ поколений[...] Огромный подвал музея был заложен хрусталем фарфором всевозможные вазы блюда. Такая в музее была теснота что можно пройти кое-как. Очень тесно. Научные работники музея всё разбирали»²⁹.

В Ленинграде, куда отправились сотрудники Гатчины, самым надёжным зданием признали подвалы Исаакиевского собора. Там многие из них провели почти всю блокаду. С целью маскировки золотой купол выкрасили серой краской, окна заложили щитами и мешками с песком. 15 июля 1941 года в соборе было создано Объединённое хозяйство музеев, директором которого стала Евдокия Игнатьевна Лединкина, а главным хранителем – Балаева.

31 октября гатчинские рабочие были сняты со штата Гатчины и переведены в Антирелигиозный музей (так назывался Исаакиевский собор в советское время)³⁰. Первая блокадная зима была самой трагичной. Вот что записала Серафима Николаевна в декабре 1941 года: «22, 23, 24 декабря. Умерла мать Т. Ф. Пиновой [?]. Умерла сестра В. В. Лемус. Умер А. А. Шульц. Умер брат Е. А. Шульц. 25 декабря. Выходной за 21/XII. Прибавка хлеба (350 – I, 200 – II). 26 декабря. Умер Рендов, Лавров. Умер Околод, Лапин [?]»³¹.

Однако жизнь и работа продолжались. Из гатчинских научных сотрудников в соборе работала Эльфрида Августовна Тихановская, ставка которой была сокращена в ноябре 1941 года, до лета 1943 года в соборе трудилась научный сотрудник ГДМ Ирина Константиновна Янченко, она отвечала за хранение экспонатов из Летнего дворца и Домика Петра I. Ей уготована была печальная участь, в первую блокадную зиму она потеряла маленькую дочь и мужа, а 8 августа 1943 года при артобстреле на Невском проспекте погибла сама. Это была огромная потеря для всех сотрудников, Ирину Константиновну ценили и уважали в коллективе, она была не только прекрасным специалистом, но и замечательным человеком. Её сын, инвалид с детства, был тяжело ранен.

Из других пригородных дворцов-музеев в подвалах собора жили и трудились М.А. Тихомирова из Петергофа, Б.С. Волкинд, А.И. Зеленова, супруги Вейсы с детьми из Слуцка (Павловска), В.В. Лемус, Т.Ф. Попова и Е.Л.

²⁷ Так в тексте

²⁸ Так в тексте.

²⁹ Цит. по: Сарапул. Особый груз.. С. 42-43.

³⁰ См.: Балаева С.Н. Указ. Соч. С.101.

³¹ Балаева С.Н. Указ. Соч. С.104.

Турова с сыном Алексеем из Пушкина, Е.Н. Элькин, А.К. Сементовская и А.А. Черновский из Музея истории и развития Ленинграда и другие.

Температура в соборе зимой иногда опускалась до минус 20 градусов. И даже летом там было очень холодно. Особенно тяжёлой была зима 1942 года. Собор не отапливался и промерзал насквозь, внутрь проникала влага. Самым тёплым местом была бывшая касса музея – маленькая будка, где находились лишь скамейка и столик. Там стояла буржуйка и чайник. Сотрудники использовали маленький тёплый уголок как рабочий кабинет и место для отогрева. Весной на площади перед собором сотрудники разбивали огороды, а летом-осенью собирали урожай. Когда становилось теплее, музейные сотрудники перетаскивали мебель, gobелены, ковры на просушку на портик собора. Трудно представить, как всё это удавалось истощённым, измождённым голодом и холодом людям. Чтобы отворить тяжёлые чугунные двери собора даже физически крепким и здоровым мужчинам требуется приложить немало усилий. Что и говорить об измученных и ослабленных блокадниках, которые выполняли это дважды в день. Из дневника С.Н. Балаевой в 1942 году: «10 июня. Дежурство в соборе. t_0+5 , влажность 87. Внешняя t_0+14 , вечером и в 7 утра +90. Собор открыт с 9 ч. утра. Переменная облачность. Просушка ковров и портьер на портике. Проветривание диванов Ораниенбаумского Китайского дворца и подушек со стульев»³².

Нередко в соборе случались водопроводные аварии, вода заливалась подвалы, и тогда сотрудники перетаскивали наверх и просушивали намокшие ящики, чтобы избежать гибели ценных экспонатов.

Порой, заботясь о сохранности реликвий, ослабленные, но мужественные люди совершали настоящие подвиги, сами того не осознавая. В июле 1943 года, когда в Исаакиевском соборе находились только С.Н. Балаева и М.А. Тихомирова, раздался сигнал воздушной тревоги. Женщины как раз выносили вещи на портик на просушку и уже вытащили несколько стульев и кресел, когда над площадью появился вражеский самолёт. Дальше, как описывала М.А. Тихомирова, всё произошло в считанные секунды. Бомба упала возле Главного почтамта, их сшибло воздушной волной. Однако, быстро придя в себя, женщины слаженно забросили мебель в собор и кинулись к статуе «Персея» из Петергофа, который «жил на портике потому, что его, казалось, невозможно было сдвинуть»³³. Кто-то из них бросил на пол обрезки старых водопроводных труб, и статуя послушно покатилась по ним. Так, подбрасывая их ещё и ещё, две женщины затащили неподъёмную статую в собор. Вернувшись позже сотрудники с трудом вынесли её обратно на портик.

³² См.: Балаева С.Н. Указ. Соч. С. 111.

³³ Тихомирова М.А. Памятники. Люди. События. Л., 1984. С.42-43.

Мраморная столовая. Фотограф М.А. Величко. 1944. ГМЗ «Гатчина»

Практически всю блокаду прожили музейные работники в Исаакиевском соборе. В январе 1944 года началось освобождение ленинградских пригородов советскими войсками. 26 января оккупанты были изгнаны из Гатчины. Перед уходом нацисты заминировали здание дворца, а стены внутри облили зажигательной жидкостью. Пожар января 1944 г. уничтожил уцелевшие интерьеры некогда роскошной пригородной резиденции³⁴. Сотрудник Государственного Эрмитажа Владислав Михайлович Глинка (до войны работавший в Гатчинском дворце) оказался в освобождённой Гатчине раньше других музейщиков. Он обнаружил на входных дверях Центрального корпуса дворца немецкую вывеску, которая хранится теперь как документ в научном архиве ГМЗ «Гатчина» – «Eintritt strengstens untersagt! Lagerraüme der Armee – Marketenderei» (Вход строго воспрещен! Складские помещения армии – маркитантская лавка).

В том же году его воспоминания опубликовали в журнале «Ленинград»: «26 января, через несколько часов после взятия, пишущий эти строчки приехал в Гатчину. По исковерканной взрывами дороге мы обогнули парк. Дворец дымился, и в той части огромного здания, где помещались комнаты Николая I и Александра III, еще показывались зловещие языки

³⁴ См.: Кирпичникова М. В. В центре бурь и потрясений // Санкт-Петербургские ведомости. 17 мая 2018 г. Электронный ресурс: https://spbvedomosti.ru/news/culture/vek_muzeev_zapovednikov_gatchina/ (дата обращения: 11.12.2018).

пламени. Главный фасад зиял выбитыми закопчёнными оконными впадинами. Крыша во многих местах провалилась. Перед нами стоял варварски искалеченный скелет прекрасного дворца. С входных дверей я снял вывеску, написанную щегольскими готическими буквами «Вход строго воспрещён. Армейский интендантский склад»³⁵.

Сразу после освобождения пригородов комиссия экспертов, состоящая из представителей музеев, а также художников, поэтов и писателей г. Ленинграда для оценки ущерба, причинённого памятникам культуры, посещала разрушенные дворцы и усадьбы. Позднее в отчёте по консервации здания Балаева писала: «Мы увидели вновь Гатчину 31 января 1944 года. Прошло пять дней со дня освобождения её от временной оккупации. Пожар дворца лишь недавно прекратился, пепел пожарища ещё не совсем остыл. Фасад Главного Корпуса, где сохранились ещё наши заделки 41-го года казался мало повреждённым. Деревянные конструкции междуэтажных перекрытий кровли сгорели полностью, но пламя, не встречая препятствий, шло вверх, не выбиваясь через оконные проёмы, и облицовка фасада пудостским камнем не была повреждена [...] Осмотром и обмером в натуре в феврале – марте [19]44 года было установлено, что фундамент здания дворца сохранился на 100%, стены на 85%, перекрытия на 40% и лестницы на 81%»³⁶.

Из послевоенных записок сотрудницы Петергофа М.А. Тихомировой: «Повсюду открывалась картина тяжёлых разрушений. Но единственным безнадёжным представлялся лишь Гатчинский дворец. С виду он казался совсем целым, даже наружные двери его сохранились, их можно было открыть и переступить порог, но лишь для того, чтобы увидеть, как всё внутри уничтожено пожаром. И при малейшем прикосновении к мраморной отделке стен вокруг здания она рассыпалась в прах. Там всё проваливалось и отваливалось, и повсюду царил такой хаос разрушения, что не было никакой возможности восстановления многочисленных интерьеров этого громадного и сложного по отделке здания»³⁷.

Однако в мае 1944 года было издано постановление о восстановлении пригородных дворцов, и сотрудники стали постепенно возвращаться в Гатчину, правда, гораздо меньшим составом. После первичных работ по разминированию территории (они продолжались до 1950-х годов) началась расчистка завалов и восстановление музея, уже летом 1944 года был открыт парк, а в нескольких уцелевших помещениях была организована первая выставка, посвящённая истории Гатчинского дворца-музея и парка. Повреждения дворца и парка зафиксировали фотографы, художники

³⁵ Глинка В. Гатчина // Ленинград. 1944. № 5. С. 11.

³⁶ Балаева С. Н. Указ. соч. С. 584.

³⁷ Тихомирова М.А. Указ. Соч. С. 115.

Куликов Н.П. Гатчинский дворец после пожара 1944 года. 16.03.1944. ГМЗ «Гатчина».

и архитекторы. Над съёмкой работали: М.А. Величко, А.К. Седава, Р.А. Мазелев, С.Г. Гасилов и др., делали зарисовки сгоревшего здания: Л.К. Абрамов, Н.П. Куликов, В.А. Яковлев. Наиболее ясное представление о времени пребывания здесь нацистов нам даёт план использования здания дворца немцами, выполненный в 1944–1945 годах Л. К. Абрамовым по свидетельским показаниям очевидцев³⁸.

В конце июля 1945 года Ленсоветом было принято решение о реэвакуации из г. Сарапула музейных фондов ленинградских пригородных дворцов-музеев. Однако дело осложнялось тем, что не хватало зданий, способных принять экспонаты. Дворцы были разрушены, и наиболее пригодным для хранения был признан Александровский дворец в г. Пушкине. В конце октября 1945 года из Сарапула начали вывозить первые пять вагонов в сопровождении старшего научного сотрудника И.Д. Карпович, остальные ценности в сопровождении всех хранителей из Ленинграда и пригородов вернулись в декабре 1945 года.

К сожалению, в Гатчинский дворец из довоенного состава работников вернулись очень немногие. Верными своему музею оказались Серафима

³⁸ НВА ГДМ 410/2. Использование здания Гатчинского дворца немцами в период временной оккупации 1941–1944 годов. 1944–1945 гг. План составлен Л. К. Абрамовым по свидетельским показаниям очевидцев. Бумага, перо, тушь, акварель. 80 x 58,5 см

Николаевна Балаева, Михаил Антонович Величко, сделавший послевоенную фотофиксацию некогда роскошных интерьеров дворца, позднее приехала Елизавета Александровна Фаас, Эльфрида Августовна Тихановская, Ободовы и ещё несколько человек. Некоторые «гатчинцы» помогали при восстановлении музея даже в 1970-е годы. Например, благодаря Г.В. Смирнову в Аванзале взамен утраченных появились живописные плафоны из собрания Государственного Русского музея. Но в 1940-е-50-е годы на нужды разрушавшегося здания средств почти не выделялось. Восстановление дворца как музея оказалось иллюзорным. Начались приезды «богатых женихов», как называла их Балаева, присматривавших территорию дворца и парка для своих нужд. Больше всего ансамблем заинтересовались представители военного ведомства. Место казалось очень удобным для размещения училища. Это решение и было принято в 1949 году.

В 1951 году здание Гатчинского дворца вместе с Собственным садом передали Высшему военно-морскому радиотехническому училищу, а музей почти прекратил своё существование на несколько десятилетий. Правда новым арендаторам было предписано вести консервацию здания, но, к сожалению, это предписание выполнялось не так, как оно того требовало. Оставшиеся музейные сотрудники заняли уцелевшее в годы войны здания Птичника – паркового павильона, где было печное отопление.

Ценнейшие экспонаты, которые могли воссоздать подлинную обстановку императорского быта XVIII-XIX веков, были рассредоточены по музеям страны, и часть из них до сих пор не возвращена в собрание Гатчины. Лишь в 1976 году началась реставрация, а в 1985 году открылись первые три зала. Сейчас из сохранившихся в годы войны чуть более 16 000 экспонатов³⁹, в фондах музея находится примерно половина. На сегодняшний день в списках потерь Гатчинского дворца-музея числятся тысячи первоклассных живописных полотен, предметы из коллекций фарфора и стекла, декоративно-прикладного искусства, мебели, редкой книги, огромная фототека. Наиболее полно в Гатчинском дворце-музее сохранились коллекции оружия и чертежей, которые были эвакуированы почти полностью.

То, что видели музейные работники, вернувшись в свои музеи и дворцы, приводило их в отчаяние. Но началась работа и то, чтоказалось не реальным, вновь заиграло новыми красками. Забили фонтаны Петергофа, зазвучала музыка в парках Царского Села, в Гатчине открылась первая выставка, были восстановлены памятники символов русской государственности Великого Новгорода и Пскова, вновь распахнул свои двери для посетителей Эрмитаж. Будем всегда помнить самоотверженность и геройизм военных сотрудников музеев, которые сохранили нашу культуру. Этую

³⁹ В это число входят не только эвакуированные экспонаты, но и обнаруженные после войны.

Открытие мемориальной доски главному хранителю Гатчинского дворца Серафиме Николаевне Балаевой. 7 сентября 2020 года. ГМЗ «Гатчина».

статью хотелось бы считать своего рода данью памяти тем, кто сражался с варварством и победил.

7 сентября 2020 года, в канун траурной даты – начала блокады г. Ленинграда – в вестибюле Центрального корпуса ГМЗ «Гатчина» была торжественно открыта мемориальная доска руководителю работ по эвакуации и спасению коллекций, главному хранителю дворца Серафиме Николаевне Балаевой.